

Гу Няньшань долго не мог прийти в себя. Он ведь не ослышался?

Как же так? Договаривались ведь вместе оставаться холостяками, а тут — раз, и у Регента, человека, который, казалось бы, и слов-то таких, как любовь, не знает, вдруг появился возлюбленный?

На душе у Гу Няньшаня скребли кошки. Впрочем, мужчина это или женщина, его уже не особенно волновало.

— Ваше Высочество, Ваше Высочество, научите, а? Как вам удалось завоевать сердце вашего избранника?

Цзи Синхэ при этих словах окаменел. Он ни за что не признается, что уже больше десяти дней не решается заговорить с А-Цзи по душам.

Взглянув на лицо Цзи Синхэ, Гу Няньшань сразу всё понял: видимо, дело ещё не дошло до победного конца.

Вот ведь незадача: чувства есть, а взаимности нет. Его Регент — человек такой замечательный, будь он на месте того заложника из государства Вэй, давно бы уже...

Конечно, Его Высочество — прекрасный полководец и достойный Регент, но с таким характером, лишённым всякой романтики, вряд ли он будет хорошим партнёром.

Шутки в сторону, Гу Няньшань был уверен: он бы ни за что не стал связываться с таким сухарём.

Цзи Синхэ тихо вздохнул:

— Как по-твоему, что нужно сделать, чтобы он по-настоящему полюбил меня?

Гу Няньшань усмехнулся:

— Я так и знал, что ты спросишь. Это несложно. Ты хоть знаешь, сколько девушек на границе я в себя влюбил? Перевоспитание тебя я беру на себя.

Цзи Синхэ подавил в себе жгучее желание как следует его проучить и процедил:

— Внимаю каждому твоему слову.

— Ха-ха! Я только вернулся в столицу и давно не был в павильоне Ванъюнь. Уж больно соскучился по их фирменному вину Облака, заслоняющие солнце, — Гу Няньшань улыбнулся весьма многозначительно.

Обычно он бы и не подумал так разговаривать с Регентом, но разве сейчас не особый случай? Когда ещё представится возможность его обобрать?

Цзи Синхэ слегка нахмурился:

— Давай в другой раз. Мне сейчас нужно на длинную улицу, купить лотос с османтусом.

Гу Няньшань приподнял бровь. Подумал, что это даже неплохо, но решил не слишком его хвалить, чтобы тот не забыл, кто здесь учитель.

— Ну, это ещё куда ни шло. Скажи-ка, а за руки вы уже держались? — Гу Няньшань придал лицу глубокомысленное выражение.

— Держались.

— Хм... А обнимались? — он не сводил с Цзи Синхэ пристального взгляда.

— Обнимались.

— А... целоваться доводилось? — Гу Няньшань, едва сдерживая изумление, продолжал допрос.

— ...Целовались.

Гу Няньшань глубоко вдохнул:

— А... в опочивальню уединялись?

Цзи Синхэ замялся. Их близость была весьма откровенной, но до конца дело не дошло.

— Нет.

Гу Няньшань с облегчением выдохнул:

— И кто проявлял инициативу — ты или он?

— ...В основном он.

Гу Няньшань кивнул. Значит, он всё-таки ещё нужен.

Цзи Синхэ немного подумал и произнёс:

— Мне кажется, я ему тоже нравлюсь, но чего-то явно не хватает.

Гу Няньшань задумался и вдруг просиял:

— Прошёл через сотни цветов и не зацепил ни лепестка... А этот заложник из Вэй, оказывается, ещё тот ловелас.

Цзи Синхэ нахмурился, глядя на него. Ему показалось, что это не совсем так, но как возразить, он не знал.

Гу Няньшань усмехнулся:

— Сходи сегодня за своим лотосом, а в другой раз выберем местечко получше в павильоне Ванъюнь. Я всё подготовлю и расскажу тебе, что делать.

Цзи Синхэ немного поколебался, но в конце концов согласился.

\*\*\*

Линь Сюэцзи вертел в руках только что купленный веер. Он как раз вышел из лавки, а Цзян Хуай и Цзян Хэ следовали за ним.

Маленький лисёнок, плотно укутанный, украдкой поглядывал по сторонам.

— Хозяин, зачем вы купили ещё один веер? Вы же только что приобрели один? — раздался в голове голос Улю.

Линь Сюэцзи улыбнулся:

— Тот веер хорош, но одного недостаточно. Если случится непредвиденное, одного веера может не хватить.

Улю: — ...Это его хозяин решил использовать веер как оружие?

— К тому же, качество этого веера лучше, он должен быть надёжнее.

На улице сегодня не было ничего необычного, всё как всегда. Вскоре они услышали, как группа детей громко распевает какую-то песенку:

— Воины не могут вернуться домой, император слаб, власти не имеет.

— Правитель не правитель, подданный не подданный, Регент в Юн угрожает государству... Угрожает государству, о, угрожает государству.

Песенка была донельзя ядовитой.

Линь Сюэцзи помрачнел и остановился.

— Позовите кого-нибудь из детей, спросите, в чём дело, — он помолчал и добавил: — Дети ещё маленькие, не пугайте их.

Цзян Хуай и Цзян Хэ тоже побледнели. Они были грамотными людьми и прекрасно понимали, что речь идёт о Регенте.

Цзян Хэ почтительно кивнул.

Цзян Хуай заметил:

— Раз это поют дети, значит, их кто-то обманул.

Линь Сюэцзи кивнул. Устами младенца глаголет истина, но в таком возрасте они вряд ли понимают, что поют. Он-то это понимал, но те, кто стоял за этим, заслуживали суровой кары.

В последнее время Цзи Синхэ действовал решительно, и император с Вэнь Аньянем явно не могли сидеть сложа руки.

Линь Сюэцзи негромко произнёс:

— Раньше репутация Регента была подпорчена, но конкретных обвинений не было, одни слухи, которые не причиняли особого вреда.

— Император и Вэнь Аньянь пошли на такой шаг, значит, задумали нечто серьёзное.

Ребёнок был одет в грязные, тонкие лохмотья, шея его покраснела от холода. Он испуганно смотрел на людей перед собой. Хотя двое по бокам выглядели грозно, человек посередине был невероятно красив, словно неземное создание, и невольно вызывал симпатию.

— Один старший брат сказал, если мы будем петь эту песню, он купит нам леденцы на палочке.

— Ты знаешь, сколько детей поют эту песню? И как давно это началось? — Линь Сюэцзи попытался успокоить его: — Не бойся, отвечай честно, я тоже куплю тебе много-много леденцов.

Глаза ребёнка загорелись. Он немного подумал и сказал:

— Дней десять уже. Все, кого я знаю, поют её. Я, мой брат, сестра, двоюродные брат и сестра — мы все люди брата А-Ху.

— А-Ху — это тот, кто вами командует?

Ребёнок энергично закивал:

— Да, брат А-Ху такой крутой! Он знает наизусть больше половины этой песни, а я выучил только две строчки, поэтому мне достаётся только пол-леденца.

Цзян Хэ понял, что дело плохо, и поспешно сказал:

— Господин, я виноват, сейчас же найду другого ребёнка.

Линь Сюэцзи покачал головой и мягко ответил:

— Не нужно. Песня длинная, вряд ли другой ребёнок знает больше.

Линь Сюэцзи посмотрел на мальчика и вздохнул:

— Ты молодец. Давай я дам тебе награду — конфет, хочешь?

— Но эту песню больше не пой, это нехорошая песня.

Мальчик повёл глазами. Конфеты были лучше леденцов, ведь леденец съешь сразу, а конфеты могут храниться долго.

— Хорошо, договорились.

Линь Сюэцзи улыбнулся и приказал Цзян Хэ:

— Купи ему конфет, дай денег его родителям, пусть купят ребёнку новую одежду.

Глаза мальчика засияли ещё ярче:

— Спасибо, братец, ты такой добрый человек!

Когда Цзян Хэ с мальчиком скрылись из виду, на губах Линь Сюэцзи появилась насмешливая улыбка. Добрый?

Может быть, только в глазах ребёнка он и кажется добрым.

Голос Линь Сюэцзи стал холодным:

— Те, кто за этим стоят, готовились долго. Если они решили распространять слухи, то одними детьми не ограничатся. Ступай немедленно, узнай, какие ещё ходят сплетни о Регенте в столице.

Цзян Хуай помрачнел, осознавая всю серьёзность ситуации, и почтительно ответил:

— Слушаюсь.

<http://bllate.org/book/18626/1793298>